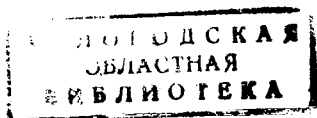

В. А. ДИВИН

К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

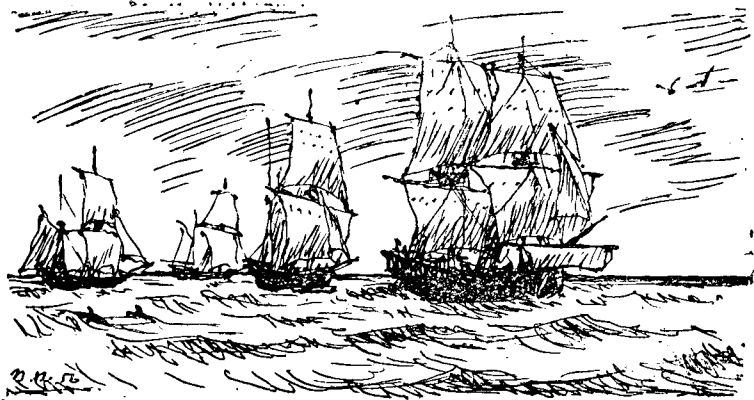
ПЛАВАНИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ М. С. ГВОЗДЕВА,
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ

11 532199

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1956

Колумбы Росские презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток
И наша досягнет в Америку держава ¹.

В этих поэтических и глубоко патриотических словах гениального Ломоносова выражена непоколебимая вера в то, что русские люди проложат морской путь из Северного Ледовитого в Тихий океан.

В то же время Ломоносов воспевал подвиг генуэзца Христофора Колумба, который на трех небольших парусных судах — каравеллах, снаряженных испанским правительством для поисков западным морским путем «Индий», т. е. Восточной и Южной Азии, в 1492 г. пересек Атлантический океан. 12 октября того же года он высадился на одном из южных Багамских островов. Этот день считается датой открытия Америки. В результате последующих трех экспедиций (сентябрь 1493 г.— июнь 1496 г.; май 1498 г.— ноябрь 1500 г.; 1502—1504 гг.) были открыты многие острова Вест-Индии, побережье Южной и Центральной Америки.

Путешествия бесстрашного мореплавателя Колумба, 450-летие со дня смерти которого исполняется 20 мая 1956 г., имели огромное значение. Он первый из европейцев пересек Атлантический океан и проложил путь к материку.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. II, стр. 189.

По следам Колумба в Новый Свет направились испанские, португальские и другие западноевропейские мореплаватели, доставлявшие новые сведения о природе, богатствах и народах, населявших Америку. Прошло немного времени, и отважные путешественники начали исследование обоих побережий Америки.

Нельзя забывать, однако, что великие географические открытия, прогрессивное значение которых неоспоримо, повлекли за собой колонизацию народов открываемых стран. Огнем и мечом западноевропейские колонизаторы поработали коренных жителей Америки, разрушали древнюю высокую культуру.

Индийские племена, населявшие американский материк, задолго до Колумба создали «свою науку, искусство и общий склад духовной жизни, которыми до сих пор не перестает восхищаться весь культурный мир. Высокоразвитые цивилизации инков и майя были в полном расцвете, когда Франция, Англия и Германия еще представляли собой дикие дремучие леса. Бессмысленное уничтожение всей этой великолепной культуры, уничтожение и расхищение их драгоценных исторических памятников и сокровищ искусства невежественными, жадными и фанатичными европейскими завоевателями было одной из самых тяжелых катастроф в культурной истории человечества», — пишет У. Фостер¹.

Открытие Америки так же, как и морского пути в Индию и страны Дальнего Востока вокруг Африки, ускорило развитие капиталистического производства в европейских странах, положило начало складыванию мирового рынка.

Испанцы и португальцы, французы и англичане, итальянцы и голландцы внесли ценный вклад в изучение Америки. Открытые и обследованные территории они нанесли на карту. Но составление общей карты материка стало возможным после открытия русскими моряками Северо-Западной Америки. Большие заслуги в этом принадлежат Гвоздеву.

Сорок три года своей жизни знаменитый геодезист и мореплаватель Михаил Спиридонович Гвоздев посвятил флоту, исследованию и хозяйственному освоению Сибири и Дальнего Востока. На карте побережья северо-западного

---

¹ Уильям З. Фостер. Очерки политической истории Америки, 1953, стр. 800.

выступа Америки, открытого и обследованного Гвоздевым и Федоровым, их современниками сделана надпись: «Здесь был геодезист Гвоздѣв 1732 года». Эта надпись прочно удерживалась на последующих картах северо-восточной части Тихого океана.

Имя талантливого исследователя было увековечено в названии острова (в составе островов Диомида) в Беринговом проливе.

Открытие русскими моряками Северо-Западной Америки является славной страницей в истории изучения Земли. Дела и подвиги геодезиста Гвоздева были высоко оценены в трудах русских и иностранных ученых. Известный американский историк Ф. Гольдер, много лет работавший в русских архивах, в 1922 г. в своем труде, посвященном экспедициям Беринга, опубликовал отчет Гвоздева о выдающемся плавании русских к берегам Америки¹. Л. Брейтефусс в статье «Ранние карты северо-восточной Азии» писал, что экспедиция геодезиста Гвоздева и штурмана Федорова была выдающимся событием в истории картографии².

Замечательное открытие Гвоздева и Федорова было закономерным итогом многочисленных усилий русских; пренебрегая лишениями и невзгодами, они с середины XVII столетия настойчиво пытались достигнуть берегов Большой Земли. Простой перечень фактов свидетельствует о целеустремленных усилиях русских мореходов и их великом вкладе в историю географических знаний.

В 1648 г. якутский казак Семен Дежнев и его спутники, выйдя из устья реки Колымы, обошли северо-восточную оконечность Азии, а затем через пролив, отделяющий Америку от Азии, попали из «Студеного моря» в Тихий океан. Благодаря этому плаванию было доказано, что Америка — отдельный материк. Часть судов из отряда Дежнева была занесена на Аляску.

После исторического плавания Дежнева русские неоднократно стремились пересечь Берингов пролив и добратся до берегов Большой Земли. С момента основания в 1649 г. Анадырского острога приказчики и промышленные люди, как сообщает историк Полонский, пускались из

¹ F. A. Golder. *Bering's Voyages*. New York, 1922, pp. 21—24.

² L. Breitefuss. *Early Maps of North-Eastern Asia and of the Lands around the North Pacific*. В кн. *Imago Mundi*, v. III, London, 1939, p. 89.

Колымского и Анадырского острогов морем и сухим путем для обложения ясаком жителей северо-восточного угла Чукотской земли; однако русские не ограничивались уже известными пределами, а «старались проникнуть за Анианский пролив на заветную Большую Землю, известную, по рассказам чукчей, богатством зверей и леса, населенную людьми, которые носят дорогое соболье и бобровое платье»¹.

В начале XVIII столетия интерес к Северо-Западной Америке усилился.

В 1701 г. известный исследователь и первооткрыватель Камчатки Атласов по прибытии в Москву рассказал, что между Колымой и Анадырем имеется «необходимый нос, которой впал в море, и по левой стороне того носа (т. е. в Чукотском море.— В. Д.) на море летом бывает лед, а зимой то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу (т. е. в Беринговом море.— В. Д.) весной льды бывают, а летом не бывают».

Самому Атласову не довелось побывать на Чукотском полуострове. Рассказ Атласова был основан на известиях, полученных от местных жителей. «А тутошние инородцы — чукчи,— повествует путешественник,— которые живут около того носу и на устье Анадыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы»².

Сведения, которые дает Атласов о состоянии льдов Чукотского и Берингова проливов, представляют несомненный интерес. Они свидетельствуют и о том, что русские путешественники, попадая на Дальний Восток, не ограничивали свои исследования рамками определенного района, а старались узнать как можно больше данных.

В 1711 г. якутский казак Петр Ильич Попов и промышленник Егор Васильевич Толдин во время своего пребывания на Анадырском носу (мыс Дежнева), по рассказам местных жителей, пришли к заключению, что между Азией и Америкой существует пролив. Они сообщили, что в том проливе имеются острова, обитателями которых

---

¹ А. Полонский. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, «Морской сборник», 1850 г., № XI, стр. 390.

² Н. Оглоблин. Две «скаски» В. Л. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в обществе истории древностей Российских при Московском ун-те, 1891, кн. 3, стр. 12.

являются «зубатые люди». На эти острова, как свидетельствуют путешественники, и прежде ходили русские.

Спустя пять лет полковнику Ельчину было поручено идти к островам, расположенным против Чукотского носа, и обследовать их. Экспедиция, однако, не состоялась.

В 1716 г. мореход Нагибин вместе с приказчиком Кузаковым предприняли плавание в Северный Ледовитый океан для поисков новых островов. Это путешествие было безуспешным. Однако неудача не обескуражила морехода. В 1720 г. он просил дать ему 200 человек команды и суда «для проводывания и показания земли, которая против Чукотского острова». Чтобы заинтересовать власти своим предложением, Нагибин сообщает, что на той земле имеется «много неясных и всякого зверя».

Таким образом, как свидетельствуют многочисленные факты, в России многие считали, что Азия отделяется от Америки проливом. Но где именно, на каком расстоянии находится Америка, каковы берега Большой Земли, еще не было известно. Слухи, исходившие от русских людей и местных жителей о Большой Земле, нуждались в обстоятельной проверке и уточнении. Петр Салтыков в известных «пропозициях», поданных царю в 1713 году, выражал уверенность в возможности плавания из Северного Ледовитого океана в Китай, Японию, Индию. Это говорит о том, что в России было распространено мнение, что Азия отделяется от Америки проливом.

Вопрос, соединяется ли Азия с Америкой, волновал и западноевропейских ученых. Эта проблема в течение двадцати лет была в центре внимания великого немецкого ученого Лейбница. Еще в 1697 г. он составил обстоятельную записку для русского посольства, проезжавшего в то время через Ганновер. В записке затрагивался широкий круг вопросов, к решению которых ученый стремился привлечь внимание русского царя¹.

Лейбниц старался быть в курсе всех научных предприятий, которые проводились русским правительством по изучению Сибири, Северного Ледовитого океана, считая, что любой успех в этой области приближает науку к положительному решению спора относительно пролива между

¹ В. Л. Герье. Отношение Лейбница к России и Петру Великому, по неизданным бумагам в Ганноверской библиотеке, СПб., 1871, стр. 14, 18; см. также Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся в России и Петру Великому, СПб., 1873, стр. 19—25.

Азией и Америкой. Поэтому в 1711 г. в своем письме к адмиралу Брюсу Лейбниц просил сообщить ему данные о результатах работ русских людей, ходивших в Сибирь и на Северный Ледовитый океан. В своих письмах Лейбниц неоднократно возвращался к указанной научной проблеме и возлагал большие надежды в ее решении на Петра I, в лице которого он видел истинного покровителя науки, глубоко понимавшего и горячо поддерживавшего любое научное начинание. «Никто,— писал Лейбниц,— не может лучше царя разрешить это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования источников Нила»¹.

В записке Брюсу от 23 сентября 1712 г. Лейбниц развернул обширную программу научных исследований в России по лингвистике, магнитным наблюдениям. В конце записки Лейбниц снова говорит о необходимости определения границы между Азией и Америкой. «Только в одном месте,— писал он,— эта граница не исследована, и это место находится во владении царя». Далее он писал, что большая полоса земли тянется далеко на север, к так называемому Ледовитому мысу, и он предлагал исследовать, «существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его если не сразу, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все далее». Подобное исследование, по мнению Лейбница, возможно было осуществить не только сухим путем, но и водой, что значительно легче выполнить по обеим сторонам. При этом условии можно установить, «суживается ли там суша или расширяется, а следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия на тех и других берегах, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обе стороны»².

---

¹ В. л. Герье. Отношение Лейбница к России..., стр. 126; Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 192.

² В. л. Герье. Отношение Лейбница к России и Петру Великому..., стр. 146—147; Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 248—249.

В письме к царю из Вены от 26 октября 1713 г. Лейбниц опять вспоминает о своем проекте.

В 1716 г. Лейбниц в Брауншвейге встретился с Петром I на водах в Пирмонте, где он провел с русским царем около недели. Судя по всему, Лейбниц во время этой встречи с Петром обсуждал вопрос, которым он занимался около двадцати лет. В письме к Бурге от 2 июля 1716 г. немецкий философ писал, что во время беседы царь интересовался всеми механическими искусствами, «но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединены ли Азия с Америкой». Эта же мысль подчеркивается Лейбницом в письме от 22 июня, посланном в Петербург через Шафирову¹. В 1716 г. Парижская Академия наук обратилась к Петру I с предложением об организации экспедиции французских ученых на северо-восток России, чтобы «через посланных от Сибири увидеть, не соединилась ли Сибирь с Америкой»².

Все это показывает, что вначале XVIII столетия ученые не имели достаточных оснований для окончательного решения важного научного вопроса. О великом открытии Семена Дежнева и его спутников на западе не знали, а в России, повидимому, успели забыть.

В цепи многочисленных русских географических открытий в северной части Тихого океана, сделанных в XVII и XVIII столетиях, важнейшим звеном является плавание Федорова и Гвоздева к берегам Большой Земли.

Несмотря на большие заслуги Гвоздева перед наукой, его жизнь и деятельность, являющаяся во многих отношениях поучительной, из-за ограниченности источников до последнего времени мало была изучена и совершенно слабо отражена в литературе. Библиография о замечательном исследователе Дальнего Востока, первооткрывателе Северо-Западной Америки ограничивается несколькими специальными статьями³. Правда, список трудов, в

¹ Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому, стр. 360.

² Проект И. К. Кирилова. См. А. В. Ефимов. Из истории великих географических открытий, Географгиз, 1950, стр. 289.

³ А. Полонский. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, «Морской сборник», 1850, № 11; А. Соколов. Первый поход русских к Америке, 1732, «Записки гидрографического департамента», ч. IX, 1851.

которых отражается деятельность Гвоздева, более значителен¹.

Географические открытия русских моряков, сделанные в XVIII столетии, разрешили стоявшие перед наукой многочисленные вопросы, важнейшим из которых было определение соотношения между Америкой и Азией. Вместе с тем было установлено, что Америка представляет собой отдельный материк. В летописи мореплавания и географических открытий дела и подвиги русских людей в решении важной научной проблемы заслуженно занимают яркие страницы. Не случайно, когда правительство США в 1892 г. решило организовать в Чикаго Колумбийскую выставку, посвященную четырехсотлетию открытия Колумбом Америки, оно пожелало, чтобы «успешные попытки русского правительства в открытии Аляски были представлены подлинным отчетом капитана Витуса Беринга за его путешествие от 1738 по 1742 г., во время которого Аляска была открыта»².

Однако документы, хранящиеся в различных архивах, дают возможность устранить ряд пробелов в деятельности первооткрывателя.

Особенно большое научное значение имеют две челобитные Гвоздева. Одна из них была подана императрице Елизавете в 1743 г. из Охотска, другая — в 1758 г. из Иркутска. Эти документы, написанные по различным мотивам, свидетельствуют о важнейших вехах в жизни Гвоздева. Сведения, имеющиеся в челобитных, подтверждаются

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения, ч. I, Изд. АН СССР, 1947; В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика, Изд. Главсевморпути, 1949; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихий океан, Воениздат, 1948; А. В. Ефимов. Из истории великих географических открытий на Тихом океане, Географгиз, 1950; А. В. Ефимов опубликовал промеморию майора А. Зыбина и рапорт Гвоздева от 2 сентября 1743 г. капитану Шпанбергу, дав обстоятельный разбор указанным документам (см. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, Воениздат, 1948, стр. 236—249, 153—155); Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, Географгиз, 1954.

² Документы о плавании капитана-командора Беринга к берегам Америки в 1741 г., Чикаго, 1893, стр. 3—4. Работа была издана на русском языке; в ней дана характеристика представленных русским правительством на Колумбийскую выставку документов, а также приводится в оригинале (на английском языке) переписка официальных лиц США по поводу получения от русского правительства подлинных донесений Беринга.

шканечными журналами, рапортами русских моряков, служивших вместе с Гвоздевым, докладами сибирских властей и другими материалами.

* *
*

В 1716 г. Михаил Спиридонович Гвоздев поступил в Славяно-греко-латинскую академию, созданную еще во второй половине XVII века. В этой академии первоначально преподавались преимущественно богословские дисциплины; в конце столетия в программу были включены также математические и гуманитарные науки. Академия сыграла положительную роль в распространении просвещения в России.

В 1701 г. в Москве была создана Математико-навигационная школа, а спустя 14 лет в Петербурге по инициативе Петра I была основана Морская академия. Эти учебные заведения должны были готовить квалифицированные кадры для армии и флота.

В 1718 г. Гвоздев был послан в Морскую академию, куда в следующем году «и отправлен в науку геодезическую учеником и был при той науке по 1721 год»¹.

Класс геодезии готовил образованных съемщиков и картографов, нужда в которых в связи с планами по картографированию обширных территорий страны была исключительно велика.

В Морской академии большое внимание уделялось математическим наукам; они признавались «наикрепчайшим фундаментом» всех остальных дисциплин, преподававшихся в академии. «Неспоримые решения и доказательства к понятию учеников зависит на полном собрании математики, без которой, яко без кореня, все вышеупомянутыя до разных государственных должностей касающиеся науки от времени до времени крайнему недостатку и изнеможению и забвению неминуемо впредь подвержены быть могут»², говорилось в указе Петра I от 11 января 1719 г.

В то время в академии читал лекции английский профессор Фарварсон, находившийся на русской службе,—

¹ Центральный Государственный исторический архив, Ленинград (ЦГИАЛ), ф. 1341, оп. 303, 1764, д. 485-6, ч. 1, л. 399.

² Материалы по истории русского флота, ч. IX, стр. 536.

человек большого таланта, глубоких и разносторонних познаний в самых различных областях науки. С успехом он преподавал арифметику и геометрию, плоскую тригонометрию и сферику, астрономию и географию, плоскую и круглую навигацию, меркаторскую карту и геодезию, а также ведение навигационного журнала.

По его учебным пособиям Гвоздев овладевал сложной геодезической специальностью.

Профессор Фарварсон внимательно изучал достижения русских и иностранных ученых. Своим воспитанникам он внушал мысль о необходимости овладения научными знаниями.

Оценивая заслуги ученого, экспедиция академии и школ в 1742 г. отмечала: «Бывший при оной академии профессор Фарварсон во время свое не токмо обучением математических частей учеников и учителей их, но и переводом с других языков математических книг надлежащей академии и российскому юношеству плод производить было начал, но оный пресекся его смертию».

Другим учителем Гвоздева был русский ученый Л. Магницкий — автор учебника «Арифметика, сиречь наука числительная».

В 1719 г. был произведен первый выпуск геодезистов, который по указу Петра I от 9 декабря 1720 г. был послан в различные губернии для сочинения ландкарт.

Успешно окончив Морскую академию, Гвоздев в 1721 г. был назначен в Новгород для описания рек к поселению драгунских и пехотных полков «и был при оном деле по 1725 год».

В сентябре 1725 г. Гвоздева снова направили в Морскую академию, повидимому для продолжения образования. В 1727 г., как сообщает сам Гвоздев, по его просьбе он был экзаменован профессором Фарварсоном и «по знаемости мною науки пожалован геодезистом»¹.

Вскоре ему довелось применить свои теоретические познания и практические навыки в далеком и малоисследованном крае. Гвоздев много слышал о Дальнем Востоке и его богатствах. Его влекло туда непреодолимое желание разгадать тайны края, о котором еще так мало было известно науке. Он хорошо представлял себе трудности, ко-

¹ Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 216, оп. 1, д. 56, л. 983—983-об.; ЦГИАЛ, ф. 1341, т. 1, 303, 1764, д. 485-б, ч. 1, л. 359.

торые могут быть встречены. И так же, как и многие его друзья, охотно воспользовался представившейся возможностью и отправился на Восток.

* *
*

Вскоре после отправки под командованием Беринга экспедиции на Камчатку в Петербург прибыл якутский казачий голова Афанасий Шестаков — человек сильной воли, большого практического опыта, необыкновенно деятельный, но вместе с тем эгоистичный, грубый, властолюбивый. Он не умел ни читать, ни писать; однако он много знал о Сибири и Дальнем Востоке; во многих местах он сам бывал, а о некоторых узнавал от других. Все виденное и слышанное Шестаков крепко запоминал. А затем по памяти рассказывал «о тех странах, коими он ехал, о реках, кои ему на пути попадались или о каких слышал от других. Сие при нем изображали на картах такие люди, которые писать знали», отмечает историк Миллер.

Одна из таким образом составленных карт доставлена в Петербург под названием карты Шестакова. Она была очень несовершенной, давала извращенное изображение Чукотского носа и островов, лежащих против последнего. «Карта Афанасия Шестакова,— писал историк Миллер,— есть же и в рассуждении других мест тамошней страны весьма недостаточна»¹.

Однако, несмотря на неточности, указанная карта содержала обширные географические, экономические сведения. На ней были показаны Большая Земля, восточнее мыса Дежнева нанесены группы островов, против Анадырского залива нанесен остров и сделана надпись: «на этом острове против Анадыря много жителей» (остров Св. Лаврентия). На той же карте обозначены Курильские и ряд японских островов. Конечно, все географические пункты нанесены очень примитивно и неточно. Вместе с тем они свидетельствуют, что сибирские власти имели обширные сведения о самых отдаленных областях северовосточной части Азии. Но самое главное заключается в том, что карта содержит сведения экономического харак-

---

¹ Г. Ф. Миллер. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, СПб., 1758, ч. I, стр. 200.

тера. Так, у острова Карагинского, расположенного на карте против устья реки Камчатки, имеется надпись: «его жители называются карги, они независимы и имеют много животных». Около одного из островов в Охотском море написано: «Медвежий остров, на нем много соболей».

Немецкий историк Л. Брейтефусс правильно подметил большое научное значение карты Шестакова. Сравнивая с предшествующими картами, он писал: «Однако более точное, хотя в некотором отношении и странное отображение северо-восточной Азии стало известно лишь после 1726 г., когда в Санкт-Петербурге появилась карта, изготовленная казачьим головой Афанасием Шестаковым. На ней впервые была воспроизведена Камчатка, а в северной части имеется упоминание о Большой Земле, то есть Америка и Курильские острова, в соответствии с описанием Евреинова и Лужина».

Таким образом, карта свидетельствовала о том, что сибирские власти имели обширные познания о далеком крае. Понятно, что эта карта не могла не привлечь внимания русского правительства, рассчитывавшего путем колонизации Сибири и Дальнего Востока укрепить казну.

Глубоко понимая необходимость обстоятельного изучения природных богатств края, Шестаков «в бытность свою в Санкт-Петербурге письменно требовал пробирного мастера для обследования островов, которые имеютца между Камчатки и Японского государства¹, а иные против Амурского устья»². Сославшись на показания японцев, попавших в 1710 г. на Камчатку, Шестаков уверил, что на тех островах имеются «подземельные сокровища»³.

В сенат он подал карту и проект организации экспедиции. Шестаков просил разрешения «идти с партией на Камчатку для усмирения и покорения тамошних немирных народов и сыскания в подданство новых земель и островов». Проектом предусматривалось обследование западного побережья Охотского моря и лежащих против него островов, вплоть до китайской границы, открытие

---

¹ Речь идет о Курильских островах.

² Повидимому, имеются в виду Шантарские острова и о. Сахалин.

³ Подлинные доношения С. Гардебола от 7.4. 1731 г., ЦГАДА, ф. Сената, д. 664, л. 88.

прямого пути из Удского острога через Охотское море к западному берегу Камчатки и Курильским островам, обследование Курильских островов, организация плавания от южнокамчатского мыса — Лопатки до Анадыря. Кроме этого, проектом намечались плавания к берегам Большой Земли, лежащей против Чукотской земли.

В столице Шестаков развернул энергичную деятельность. Его рассказы о богатстве Камчатки и прилегающих к ней островов вызвали живой интерес среди влиятельных лиц правительства. Его проект был горячо поддержан обер-секретарем сената Кириловым.

Вскоре сенат сделал Тайному верховному совету представление об организации новой экспедиции, параллельной экспедиции Беринга. Это предложение было одобрено. В марте 1727 г. последовал указ сената, в котором подчеркивалось, что земли, прилегающие к владениям России, «ни у кого не подвластные и к содержанию под Российской державой нетрудные». В сенатском указе говорилось о больших возможностях прибыльного промысла за ценной пушиной. Условия для плавания отмечались в указе, в районе Камчатки более благоприятные, чем на Северном Ледовитом океане, «поскольку Восточное море теплое, а не ледовитое». Вместе с тем высказывалась уверенность, что в будущем возможно будет установить коммерцию с Японией и Кореей.

Одной из важнейших задач экспедиции было обследование Шантарских островов.

«На Шантарские острова русских иноземцев охотников для промыслу отпустить с таким объявлением, дабы они о тех островах достоверно уведомились, какие на тех островах народы живут и какой зверь на оных промышляется, и другие какие удовольствия имеют, паче же всего уведомились, чьего оные владения, китайского или других каких народов, и от Удского в коликом расстоянии обретаются...»¹

Новая экспедиция на Дальний Восток имела более широкие задачи, чем экспедиция Беринга. Отправляя Беринга на Камчатку, Петр I, как свидетельствует Кирилов, считал, что он «только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе настоящем от него ожидать нечего» поэтому царь «искал слу-

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, стр. 772.

чая, каким бы образом туда для сискания новых земель
инах и полезных дел кого возбудить»¹.

Правительством были отпущены средства на экспедицию во главе которой был поставлен Афанасий Шестаков. При этом правительство считало, что экспедиции Шестакова и Беринга решают одну и ту же задачу по изучению северо-восточного края. Поэтому руководители обеих экспедиций должны помогать друг другу.

В 1727 г. Шестаков выехал из Петербурга в Охотск. В Тобольске к нему присоединился капитан Павлуцкий с отрядом в 400 казаков. В команде Павлуцкого находился Михаил Гвоздев, назначенный сенатом в экспедицию. Туда же были командированы из Адмиралтейской коллегии Я. Генс, И. Федоров, снабженные соответствующими инструментами и принадлежностями, а также десять матросов, а из Казани — ботовый подмастерье Иван Спешнев, которому поручалось руководство постройкой судов в Охотске.

Из Тобольска Гвоздев с подштурманом Иваном Федоровым выехал в Охотск, куда прибыл в 1729 г.

В это время в Охотске кипела работа по подготовке экспедиции, участники которой собственными силами построили два бота — «Восточный Гавриил» и «Лев». В распоряжение Шестакова были переданы суда Беринга — шитик «Фортуна» и бот «Гавриил».

Однако постоянные раздоры между Шестаковым и Павлуцким сильно осложняли работу экспедиции. Шестаков, как отмечалось, был человеком крутого нрава, властолюбивым. Он не хотел делить своей власти с Павлуцким, писал доносы, понося его «всякими непотребными словами»². Павлуцкий в свою очередь беспрестанно строил доносы на Шестакова.

Тобольская губернская канцелярия в своем указе от 16 сентября 1728 г. писала: «А что вы, Павлуцкой и Шестаков, еще не вступя и в партию [экспедицию], исполняя свою злобу, пишете друг на друга о непорядках и несогласии, которыми своими непорядками и бездельными препятствиями чините означенной партии продолжение и

¹ Проект Кирилова, см. кн. А. В. Ефимова «Из истории великих географических открытий на Тихом океане». Географгиз, М., 1950, стр. 289.

² Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский, М., 1941, стр. 71.

остановку, от которой остановки, е. и. в. интересу есть не без убытка, а обретающейся при вас свите не без излишней трудности, чего вам — капитану и Шестакову — впредь отнюдь не чинить».

Одновременно приказывалось ускорить отправление экспедиции «под опасением жесткого истязания». Все вопросы Шестаков и Павлуцкий должны были решать по общему согласию: «ежели кого за вины надлежит штрафовать, и тех людей наказывать, по коих мест ты капитан и Шестаков будете в одном месте обще, а одному ему Шестакову как штурмана, так и протчих служилых людей бить без согласия твоего, капитанского, весьма не подлежит, понеже, ты, капитан, по силе вышеупомянутого указа, числится первым командиром, а он Шестаков — вторым». Это замечание представляет значительный интерес. Тобольская губернская канцелярия намечала поставить во главе экспедиции Павлуцкого, а Шестакова выделить ему в помощь. Но Шестаков ни с кем не хотел делить власти, ссылаясь на императорский указ. Тобольская губернская канцелярия потребовала прислать копию этого указа, а Павлуцкому было указано действовать строго по тому указу¹.

В ордере Павлуцкого на имя штурмана Я. Генса, подштурмана И. Федорова и ботового подмастерья И. Спешнева от 11 июля 1729 г. подчеркивается и мысль о том, что он, Павлуцкий, и Шестаков должны решать все дела по общему согласию.

В 1729 г. Шестаков отправил из Охотска часть партии во главе со своим племянником дворянином Иваном Шестаковым и шестьдесят русских людей на боте «Гавриил», оставленном Берингом. На «Фортуне», построенной сыном боярским Галкиным, Шестаков послал сына своего Василия с двадцатью русскими людьми в Большерецкий острог. Сам же Афанасий Шестаков отплыл на боте «Восточный Гавриил» к Тауйскому острогу.

Гвоздеву и подмастерью Спешневу Афанасий Шестаков велел из Охотска прибыть в Тауйск, а затем следовать к корякам и ждать его. Однако Спешнев и Гвоздев «за великими пургами к нему не бывали и возвратились в Тауйск». Не дождавшись Гвоздева и Спешнева, Шестаков с небольшой командой в 1730 году отправился в путь.

¹ Экспедиция Беринга, стр. 72—73.

В составе команды находилось более ста тунгусов. Они прошли почти всю коряцкую землю, где взимали ясак с неясачных еще коряков, а также брали аманатов. Здесь выяснилось, что незадолго до прихода команды чукчи совершили нападение на коряков. Шестаков решил преследовать чукчей. Настигнув их, он вступил в бой, во время которого «его, Шестакова с человеки с пятидесятью побили те чукчи и ушли в свою землю». После гибели Шестакова экспедицию возглавил Дм. Павлуцкий.

Известие об убийстве Шестакова чукчами Павлуцкий получил 25 апреля, а на второй день он приказал Я. Генсу, И. Федорову, И. Спешневу и М. Гвоздеву взять в Охотске, ежели «имеетца, оставшее судно от капитана Беринга и на том судне из Охотска идти со служилыми людьми на Камчатку, а с Камчатки морем быть к нам в Анадырской острог в немедленном времени», но даже, если такого судна не окажется, то все равно, «усмотря, как способнее, ехать к нам в самой скорости». Генсу предлагалось взять с собой матросов в Охотске и иметь над ними команду. Необходимо сказать, что Павлуцкий придавал большое значение намечаемой экспедиции. Он считал, что промедления допускать нельзя. Поэтому было срочно послано в Охотск распоряжение о спешном приготовлении экспедиции.

В приказе Павлуцкого, посланном в октябре 1730 г. Генсу и Федорову, последним предлагалось взять с собой на Камчатку матросов, Ивана Шестакова с имеющимися у него служилыми людьми, а также морехода Прокопия Нагибина и находящегося служилого при нем Никиту Шевырина и прежних мореходов, которые были в плавании с Берингом, и «во всем вам иметь с дворянином Шестаковым общее согласие, без всякого между собою препятствия, и врученное вам дело управлять с общего согласия вкупе, а не самовластно всяк собою, чтобы от такого вашего несогласия между вами чего напрасно не произошло». Назначение в экспедицию дворянина Шестакова и служилых свидетельствует о том, что на экспедицию, кроме научного задания, возлагались задачи экономического и политического характера (приведение в подданство России туземных народов и сбор с них ясака, а также промысел).

В эту экспедицию назначались подмастерья Спешнев и геодезист Гвоздев, а также Петр Шестаков, если послед-

ний к тому времени прибудет из Якутска. Согласно царскому указу от 26 апреля 1730 г. и приказу Павлуцкого Петр Шестаков должен был направиться в якутскую воеводскую канцелярию и получить там денежную казну, а на Анаторской переправе провиант, после чего возвратиться в Охотск. Ивану Шестакову было поручено собрать матросов, солдат, служилых людей, оставшихся от команды А. Шестакова, а также захватить артиллерийские припасы и после этого следовать из Охотска в Анадырский острог «без всякого замедления»¹.

Таким образом, в ордере Павлуцкого точно определен состав экспедиции, ее организация.

19 сентября 1730 г. Гвоздев и Федоров на боте «Гавриил» под командой штурмана Генса вышли из Охотска в Большерецк, куда прибыли 25 сентября; здесь они находились до лета следующего года. В июле «Гавриил» совершил переход от Большерецка до устья реки Камчатка. Отсюда моряки направились в Нижне-Камчатск. К сожалению, эти плавания оказались мало полезными. Спустя восемь лет Гвоздев, будучи в Тобольске, сообщил сибирским властям, что во время указанных походов из-за глазной болезни Генса и ножной болезни Федорова описи и карты не велись².

В Нижне-Камчатском остроге была начата подготовка к дальнему плаванию; исправлялись паруса, такелаж, а также заготавливались провизия и необходимые материалы.

Генс обратился в ясачную избу с просьбой выделить для экспедиции продовольствие: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да толмачей Андрея Орлина, Евдокима Варыпаева, Спиридона Перебьяшина, Федора Зырянова, Михаила Жарованова.

В ответ на требование Генса приказчик И. Криков 13 июля сообщил, что в Нижне-Камчадалском остроге «никаких припасов и кормов не имеетца» и что, по показаниям обывателей и служилых людей упомянутого острога, а также местных жителей, в «Камчатском устье и Камчатке реке и по посторонним речкам рыбе недоход, и кормов рыбных упромыслить не могли, и питаютца де

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 75.

² Скаска М. С. Гвоздева от 13 июля 1738 г., ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 24, л. 599-об.

оньы люди и иноземцы с великою нуждоу малинкою рыбкою хахалчею»¹.

Вместе с тем И. Криков обещал снабдить экспедицию ржаной мукой, а также выделить толмачей, если удастся найти их.

20 июля 1731 г. предполагалось выйти в море, но весть о восстании камчадалов задержала на некоторое время отправление экспедиции, так как Генсу было приказано вначале усмирить восставших, а затем итти к островам. Вскоре Генс заболел и вместо него начальником экспедиции был назначен подштурман И. Федоров.

Для поисков драгоценных металлов и камней — серебра, яшмы, яхонтовой корки — в экспедицию был назначен мастер пробирных дел голландец С. Гардебол, находившийся на русской службе.

Дм. Павлуцкий разработал для экспедиции программу научных исследований, которая была изложена в его ордере от 1 мая 1732 г. При этом учитывались и вопросы, возникшие в результате первой экспедиции Беринга. Прежде всего нужно было выяснить, какие люди и откуда приплывали к кораблю Беринга, когда он в 1728 г. находился у берегов Чукотского полуострова.

Программа отличалась широтой и смелостью замысла, глубоким пониманием значения подготавливаемой экспедиции.

«Велено нам,— писал в своем рапорте от 1 сентября 1743 г. Михаил Гвоздев,— обще со штурманом и подштурманом итить на боте «Гавриил» кругом Камчатского носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая Земля», и проведать, какие там живут люди, «осмотреть и вновь прискивать и ясак збирать с таких, с которых ясаку и зборе не бывало, и том мне иметь крепкое старание».

* *
*

Наступила весна 1732 г. Моряки спешно заканчивали последние приготовления к дальнему и трудному плаванью. Все сознавали, что придется выдержать большие

---

¹ Хахалча — «есть род нашей рогатки, от которой разнствует токмо тем, что по бокам у ней по одной продолговатой чешуйке, которыми она одета, как панцырем» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1755, т. I, стр. 308).

испытания, так как предстояло идти никем не изведанным и не исследованным путем. Мореплаватели не располагали даже самой элементарной картой района предстоящего путешествия. В состав экипажа включили опытного морехода Кондратия Мошкова, участника первой экспедиции Беринга. Большие надежды возлагали на него моряки «Гавриила», считая его своим кормчим.

Руководство экспедицией было поручено подштурману Федорову, выполнявшему обязанности командира корабля, и геодезисту Гвоздеву, ведавшему научной частью. Между Федоровым и Гвоздевым не было согласия, что отрицательно сказывалось на делах экспедиции. Федоров хорошо знал морское дело; Михаил Гвоздев, хотя и обладал теоретическими познаниями в области мореплавания, практического опыта еще в этом деле не имел. Вероятно, поэтому командир корабля относился к своему помощнику с некоторым пренебрежением, нередко лишая его возможности исполнять то, что сам из-за плохого состояния здоровья не мог сделать.

23 июля 1732 г. бот «Гавриил» вышел из устья реки Камчатки. Через четыре дня корабль миновал Камчатский нос. 3 августа бот достиг устья реки Анадыр, откуда двинулся для «взыскания островов»¹. Было решено следовать к тому острову, у которого был Беринг в 1728 г. Мореход Мошков указал, в каком направлении нужно держать курс. И «через одного морехода пошли того острова искать и пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне 5 августа». Это, вероятно, был один из мысов к северу от мыса Чаплина².

Из-за наступившего штиля продолжать плавание было невозможно. Бот бросил якорь. Время вынужденной остановки было использовано для изучения побережья. Гвоздев на шлюпке отправился к берегу, рассчитывая осмотреть его и набрать пресной воды. Заметив небольшую речку, моряки вошли в нее. Кругом было пустынно; моряки сначала не обнаружили признаков, свидетельствовавших о том, что здесь живут люди. Однако вскоре путешественники заметили стадо оленей, при котором находи-

¹ Рапорт Гвоздева от 2 сентября 1743 г. См. А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, Воениздат, 1948, стр. 245.

² Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 99.

лось два человека; увидев незнакомцев, туземцы бросились к скале.

Набрав две бочки пресной воды, моряки вернулись к боту. 6 августа из залива вышли две байдары, в каждой из которых находилось по два человека. Через переводчиков путешественники стали приглашать туземцев на бот, «но токмо от них ответу не было, и, посмотря на судно, уехали на берег».

На следующий день Гвоздев с группой матросов на шлюпке отправился в небольшой залив, откуда накануне чукчи выходили на байдарках. На берегу были обнаружены две старые пустые юрты из китовых костей. Не найдя ничего примечательного, моряки возвратились на бот. За трехдневное пребывание у берегов Чукотского полуострова путешественникам удалось сделать интересные наблюдения.

Ранним утром 8 августа бот возобновил плавание: задул попутный ветер. Курс корабля прокладывали по указанию морехода Мошкова к Большой Земле — главной цели экспедиции. Но уже на следующий день Федоров усомнился в целесообразности продолжения плавания и предложил вернуться к прежнему месту якорной стоянки. По единодушному решению корабль лег на обратный курс, и 9 августа «Гавриил» опять бросил якорь. Через два дня бот возобновил плавание, следуя вдоль берега курсом на север. 13 августа из-за штилевой погоды бот отдал якорь к югу от мыса Дежнева. Вдали виднелись строения. Для их осмотра Гвоздев опять был направлен с группой матросов на шлюпке: на берегу оказалось шесть юрт. В это время была замечена байдара, шедшая к юртам. Опасаясь нападения чукчей, Гвоздев приказал итти к боту. Затем, взяв с собой 20 человек, Гвоздев вновь подошел к юртам. Чукчи заметили русских и удалились от своих жилищ.

Для призыва чукчей в подданство России и к ясашному платежу Гвоздев направил к ним одного служилого человека с переводчиком. Чукчи заявили: «мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем». Гвоздеву пришлось дважды послать толмача к чукчам с той же целью. Наконец, чукчи просили прислать к ним приказчика, которому они станут платить ясак парками¹. Гвоздев выполнил

¹ Парка — меховая одежда без капюшона.

их просьбу, послав к чукчам служилого Пермякова с переводчиком. У Пермякова чукчи попросили ножик, обещав ему дать за это кунью парку. Тем временем старейшина переводчику сказал: «какой де с нас ясак просите, я де у родников самый большей и имя владею, какой де вам ясак, и мы имели бой с капитаном, а вы де нас не во-время застали и замаховался копьем на толмача».

Бой, о котором упомянул старейшина, произошел 14 июля 1731 г. между отрядом Павлуцкого и чукчами, что еще больше усилило недоброжелательство местных жителей к русскому правительству. По этой причине местные жители и их старейшина встретили моряков «Гавриила» с недоверием и опасением, что значительно осложнило обстановку для экспедиции. Несмотря на это, за время своего пребывания на берегу моряки сделали ценные наблюдения о быте чукчей, их хозяйственной деятельности и природных условиях Чукотского полуострова. Гвоздев определил, что местные жители питаются китами и моржами, «понеже у них иных никаких кормов, кроме того, не видал», то есть промысел морского зверя был главным источником существования чукчей.

Характеризуя природные условия полуострова, исследователь отметил, что лесу на нем никакого не имеется, а «токмо одна тундра». Наблюдения Гвоздева над местными жителями представляли для своего времени большую научную ценность.

Вскоре после возвращения моряков на корабль штиль сменился благоприятным ветром. Не упуская удобного момента, «Гавриил» 15 августа снялся с якоря и двинулся в путь. 16—17 августа осматривали остров; очевидно, это был остров Ратманова.

Тем временем снова заштилело. «Гавриил» вынужден был вернуться к берегам Чукотки. На Чукотском носу были замечены юрты. Спешно опустили на воду шлюпку, на которой Гвоздев пошел к берегу. Заметив приближение русских, чукчи опять удалились.

Попытка вступить в разговор с ними оказалась безуспешной. Через некоторое время на горизонте появились байдары, которые двигались к «Гавриилу». В каждой байдаре находилось около двадцати человек. Однако приблизиться к борту они отказались, но охотно вступили в разговор с русскими, рассказали, что живут на Чукотском полуострове, и назвали себя зубатыми чукчами.

Все эти данные, как справедливо заметил Л. С. Берг, свидетельствуют о том, что бот «Гавриил» находился у мыса Дежнева, около эскимосского селения Нуукан.

Наконец, задул ветер, корабль под всеми парусами пошел к острову (о. Ратманова), где он был несколько дней тому назад. Подойдя к северной стороне, моряки спустили шлюпку, которая под командой Гвоздева направилась к берегу. Когда шлюпка подходила к острову, эскимосы неожиданно «стали по нас из луков стрелять и, мы против их сопротивление выстрелили из трех ружей и велел толмачу спрашивать об них, какой народ», — писал Гвоздев. Эскимосы ответили, что они чукчи, и сказали, «что родники наши пошли с оленными чукчами против капитана биться и там де их всех побили».

Гвоздев расспрашивал островитян о Большой Земле, но никаких ценных сведений о ней ему не удалось добыть. Правда, эскимосы заявили, что на Большой Земле живут «наши же чукчи», назвав их большими чукчами, и что они юрты свои покинули. Таким образом, убедившись, что путешественники пришли без злого умысла, островитяне охотно поддерживали разговор.

Русские моряки вышли на берег, где обнаружили две деревянные юрты, устроенные в земле. В юртах нашли моржовину и китовину. После осмотра жилищ моряки вернулись на бот. «Гавриил» направился к южной стороне острова, на которой находилось около двадцати юрт. Попытка склонить местных жителей платить ясак была безуспешной.

«Гавриил» двинулся в путь, следуя вдоль берега, к южной стороне острова, где было замечено жилье островитян. Бот бросил якорь. Гвоздев со служилыми людьми опять был направлен на берег. Здесь оказалось около двадцати юрт — значительно больше, чем на северной стороне. Переводчик начал разговаривать с одним из чукчей. Он расспрашивал у него о Большой Земле и народе, обитающем на ней. Но чукча уклонился от ответов. После этой безуспешной попытки узнать что-нибудь о Большой Земле моряки возвратились к боту. Гвоздев сообщил, что осмотренный им остров небольшой, без леса.

20 августа мореплаватели возобновили свое путешествие. Наступивший штиль вновь заставил сделать остановку. Корабль оказался у второго острова, находящегося от первого в полумиле. Было установлено, что он меньше

первого и обитаем. 21 августа попутным ветром «Гавриил» снялся с якоря и двинулся в Большой Земле — к мысу принца Уэльского. Достигнув берегов, корабль отдал якорь. К изумлению моряков на берегу людей не было видно. Поэтому Федоров приказал сняться с якоря. Корабль стал спускаться к югу, и на берегу мореплаватели заметили юрты, расположенные вдоль побережья на расстоянии до полутора верст друг от друга.

Наконец, моряки оказались на долгожданной земле, о которой так много ходило слухов. На картах она изображалась белым пятном. Разгадать тайну этого белого пятна, узнать об обитателях земли было теперь единственным желанием отважного экипажа «Гавриила». Была сделана попытка подойти к берегу, но из-за встречного ветра «в близость подойти невозможно было». «Гавриил» шел вдоль берега на юг; Гвоздев и другие пристально всматривались в его очертания. На пути бота оказалась мель, заставившая его повернуть на обратный курс. Вскоре с берега задул сильный северный ветер. Штурман положил курс на северо-запад. «Гавриил», подгоняемый сильным ветром, 22 августа подошел к острову, но «за великою погодою на якорь стать было невозможно». Ветер был настолько сильным, что пришлось убрать все паруса; разыгралось волнение, бот, потерявший управление, отнесло от острова. Некоторые матросы говорили, что в связи с поздним временем необходимо возвращаться обратно на Камчатку. На это Гвоздев ответил, что «имеется подштюрман... Понеже он в морском хождении один имеет власть и ему предлагайте, а мне без его согласия возвратиться нельзя»¹.

Тем временем с острова подошел к боту чукча на малой лодке — кухте.

Кухта была целиком сделана из кожи, с кожаным верхом. В лодке было отверстие только для одного человека. Сверх платья чукча имел рубашку, сшитую из китовых кишок. Рубашка была соединена с лодкой. Она закрывала руки и голову. Даже при большом волнении вода не могла попасть в лодку. Моряки заметили еще одно любопытное приспособление: на кухте был привязан «великий пузырь, надутый для того, чтобы морской волной не опро-

---

¹ Рапорт Гвоздева от 2 сентября 1743 г. См. А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, 1948, стр. 248.

кинуло кухты». Аналогичные лодки имели и алеуты, как об этом свидетельствовали записи Чирикова. На таких простейших лодках чукчи ходили в море в самую свежую погоду. Отвечая на вопросы толмача, чукча охотно рассказал, что на Большой Земле живут чукчи, что там имеется ель. От незнакомца узнали о животном мире Большой Земли. Гвоздев записал, что на Большой Земле водятся олени, куницы, лисицы и речные бобры. Эти сведения имели большое научное значение. Теперь уже можно было составить более или менее ясное представление о Большой Земле.

Как только чукча отвалил от бота, к Гвоздеву подошли служилые люди Ефим Пермьяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев «с товарищи и просили о возврате, чтобы возвратиться на Камчатку без обчего согласия, понеже де кормов у них малое число, та-кож де и не могут из судна воды уливать».

Непосредственное обращение служилых людей к Гвоздеву не может не привлечь внимания. Возможно, что они находились под командой Гвоздева и должны были ему помогать в научных исследованиях; Федоров же был командиром корабля. Повидимому, Федоров и Гвоздев имели равные права. Это подтверждается ответом Гвоздева служилым людям: «Я на то им сказал, что мне возвратитца без обчего согласия с подштурманом нельзя».

К этому времени положение на корабле сильно осложнилось. Продукты питания были на исходе. Дальнейшая задержка в этом районе могла вызвать тяжелые последствия. И тогда результаты плавания могли пропасть безвозвратно для науки. «Матросы, мореход и служилые люди подали нам с подштурманом прошение за своими руками, которым объявляя свои нужды, просили, чтобы для их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку». По этому прошению, как писал М. Гвоздев, 28 сентября «Гавриил» возвратился к Камчатскому устью.

Во время похода Гвоздев и Федоров вели журнал, который был отослан в Охотское правление Гвоздевым 22 июля 1733 г.

Отсутствие полного согласия между двумя руководителями отразилось на полноте сведений, собранных во время плавания. Это же затруднило составление карты плавания. С чувством обиды на своего начальника Гвоз-

дев в рапорте в Охотскую канцелярию от 22 июня 1733 г. писал, что на основании журнала невозможно было сочинить карты, «ибо я от начала как пошли с Камчатки, ко оному журналу означенным подштюрманом Федоровым допущен неведомо для чего двои суток не был, которые у него, Федорова, в тот журнал не внесены»¹. Далее Гвоздев пишет: «Сверх того, уже в бытность в вояже Федоровым в тот журнал многих его вахт, в которых плавание судна было, внесено не было и не имеется». Гвоздев отлично понимал большое значение для науки точных записей. Поэтому он очень сожалел о том, что был лишен возможности в полной мере применить свои знания и способности для изучения Северо-Западной Америки. «А я б по своей должности отправлял свое дело себе, что мне показано, и сочинял бы ландкарту, как мне надлежит»².

Несмотря на все недостатки, указанное плавание было шагом вперед по сравнению с первой экспедицией Беринга. Мореплаватели побывали на островах, расположенных в Беринговом проливе, получивших впоследствии название островов Гвоздева. Если Беринг прошел пролив в направлении с юга на север, то Федоров и Гвоздев пересекли этот пролив с запада на восток. По показаниям участников плавания было ориентировочно определено время, необходимое для плавания от Чукотского носа до Большой Земли.

Итоги плавания убедительно говорят о том, что Федоров, хотя и был больным, успешно провел корабль в сложных навигационных условиях (острова, мели, свежая погода), что было возможно благодаря его хорошей морской подготовке и отличной выучке матросов, уверенно работавших у парусов. Гвоздев глубже, чем Федоров, понимал научное значение предприятия, во главе которого они стояли. Он был необыкновенно деятельным человеком. За время плавания Михаил Спиридонович несколько раз высаживался на Чукотский нос, на острова. Сделанное им описание путешествия, изложенное в сохранившихся рапортах, является первым документальным свидетельством об этом замечательном плавании. На основании этих документов учеными была восстановлена, правда, неполностью, история героического плавания.

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 53, л. 738-об.

² Там же.

На основании рапорта Гвоздева и Ильи Скурихина, одного из участников экспедиции, Охотская канцелярия доносила в Иркутскую провинциальную канцелярию: «...по вышеозначенным известиям от Анадырского устья до той Большой Земли можно доходить сутки в пятеры, а от Чукоцкого носу и в одни или полторы сутки». В заключение этого рапорта охотский командир Девизер высказал пожелание, чтобы Берингу было предложено построить на реке Анадырь небольшие суда, «имянуемые шитики, или другие тому подобные, туда итить и искать е. и. в. высокого ис того интересу. А не без сумнения, что она Большая Земля и не часть ли взыскуемой Америки находитца»¹.

Научные результаты экспедиции Федорова и Гвоздева широко использовали А. Чириков, С. Малыгин, Д. Лаптев, Д. Овцын, С. Хитров, И. Елагин при составлении Генеральной карты северо-восточной части Российской империи, работа над которой была завершена в 1746 г. В легенде к этой карте отмечается: «Земля, положенная против Чукотского восточного угла к востоку, лежащая от 65°N ширины, положена с карты геодезиста Гвоздева»².

Во время первого плавания к берегам Америки русские моряки собрали интересный материал о климатических и метеорологических условиях, о фауне и флоре северо-восточной части Тихого океана. Большое значение имели наблюдения о народах Чукотского полуострова и Большой Земли, несмотря на их отрывочность и несистематичность.

Опыт, приобретенный моряками в тяжелом путешествии, был использован Чириковым и Берингом во время их плавания к берегам Северо-Западной Америки. В составе экипажей «Св. Петра» и «Св. Павла» было немало участников экспедиции Гвоздева и Федорова. Во второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции принял деятельное участие и сам Михаил Гвоздев, о чем в литературе упоминается лишь мельком. Но до этого Гвоздеву пришлось перенести немало лишений и невзгод.

В 1733 г. умер Федоров. Гвоздеву было велено ехать в Нижне-Камчадалский острог, где он находился при постройке нового острога до 1735 г. В этом же году штур-

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Под ред. и со вступительной статьей доктора исторических наук А. Н. Андреева, Географгиз. 1948, стр. 106.

² ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 66, л. 264.

мана Генса и Гвоздева по доносу матроса Леонтия Петрова взяли под стражу и отправили в Тобольск. Вскоре оказалось, что донос Петрова был ложным, за что последний был наказан. В 1738 г. Адмиралтейская коллегия рассмотрела донесение канцелярии тайных розыскных дел по делу Генса и Гвоздева и нашла, что они безвинно пострадали, «чего ради коллегиею приказали о вышеписанных штюрмене Генсе и геодезисте Гвоздеве, где они имеются, послать указ, велеть их, ежели содержатся, ис-под караулу освободить и, выдав подлежащее им жалование, Генса отправить по-прежнему в Камчатскую экспедицию к капитан-командору Берингу, а геодезиста Гвоздева, где он обретается, в прежнюю команду при указах немедленно»¹. «...И в оном же году по невинности моей,— пишет Гвоздев,— освобожден и по присланному из Государственной Адмиралтейской коллегии указу отправлен я именованный был от той канцелярии в Иркутскую канцелярию, и в 1739 году в мае месяце реченная Иркутская канцелярия отправила меня в Охотск в команду командира Григория Скорнякова»². В Охотске Гвоздев исполнял геодезистские обязанности до 1741 г.

В том же году по представлению капитана Вальтона³ Гвоздеву было поручено произвести описание морского берега от устья реки Охота на юг «в Удскую сторону, которой мной по данной мне от него капитана инструкции и описан».

Вскоре Гвоздев был назначен в отряд Шпанберга, который готовился совершить плавание к Японии.

Шпанбергу поручалось завязать дружественные связи с японцами, выяснить возможности для установления непосредственных торговых отношений России с Японией. Шпанбергу и офицерам его отряда рекомендовалась «лас-

---

¹ Экспедиция Беринга, стр. 79.

² ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, д. 485-6, ч. 1764, л. 399-об.

³ Вилим Вальтон 23 октября 1723 г. был принят на русскую службу в качестве штурмана. 18 января 1733 г. по требованию капитан-командора Беринга был назначен во вторую Сибирско-Тихоокеанскую экспедицию. Командуя одним из судов в составе отряда капитана Шпанберга, ходил к берегам Японии. Опустившись до 43°20' с. ш., возвратился в Большерецк. В следующем году совершил вторичное плавание к Японии, доходил до 33°28' с. ш. В 1741 г. участвовал в описании Охотского моря на восток до реки Ини, а на юг до реки Ульи. При возвращении в Москву с Камчатки скончался в Сибири 4 декабря 1743 г. (Общий морской список, ч. II, I).

ковым разговором объявить, что понеже земли Всероссийской империи сибирские пришли к самому морю, чрез которое с землями японского государства соседство имеется, и ныне в переезде морем до их берегов свободней путь изыскан, то имеется с российской стороны желание с ними, японцами, соседственно дружбу и для пользы обоих государств комерцию свести, из чего обоих сторон подданным может произойти немалая прибыль»¹. Отряду ставились обширные задачи научного характера: описание морского пути, изучение метеорологических и навигационных условий плавания, ознакомление с бытом, обычаями, нравами японцев, характером их хозяйственной деятельности и т. д.

Однако подготовка экспедиции шла очень медленно и была завершена только в сентябре. Всего было подготовлено четыре корабля, в том числе дубель-шлюпка «Надежда». Время, удобное для плавания в Охотском море, было упущено. Поэтому от путешествия к японским берегам пришлось отказаться. Шпанберг отправил на Камчатку три судна, а «Надежду» под командой Шельтинга с геодезистом Гвоздевым послал для описи западного побережья Охотского моря до устья Амура.

4 сентября дубель-шлюпка вышла в море. Следуя вдоль побережья, «Надежда» уже через пять дней своего плавания находилась у Шантарских островов. Гвоздев тщательно записывал в корабельный журнал все примечательное.

7 сентября моряки заметили утес и в тот же день увидели остров Талок, расположенный против устья реки Алдома. 10 сентября погода была переменная: сильный брамсельный ветер сменялся штилем. Небо то заволакивалось облаками, то становилось совершенно чистым, а ночью на безоблачном небе было «звездное блистание», как отмечает в вахтенном журнале Гвоздев. Моряки тщательно обследовали незнакомые места: измеряли глубины, определяли характер грунта, направление и силу течения.

11 сентября около семи часов «Надежда» снялась с якоря и направилась к устью реки Уда. Через полчаса глубины оказались около пяти футов; идти дальше было опасно. Посланный для измерения глубин мичман Ртищев по возвращении доложил, что «через всю лайду мелко,

---

¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке, 1948, стр. 99.

только три фута». Несмотря на риск, связанный с плаванием на малых глубинах, было решено продолжать путешествие. По совету лоцмана Чепалова стали держать правее. Ориентироваться из-за плохой видимости было очень трудно, вскоре корабль оказался на мели. «И вышереченной лоцман Чепалов привел нас на самую лайду; в правой стороне устья никакого не видно, и остановились мы судном на той лайде на мели, и по сбытии воды усмотрели устье реки в левой стороне»¹.

На берегу виднелись балаганы — жилища местного населения.

13 сентября «Надежда» подошла к устью реки Уда, в широте 55°30'N. Моряки обследовали реку, измерили ее глубины, которые не превышали трех футов. Исследование показало, что из-за мелководья морские суда не могут в нее входить. Было также установлено, что вблизи не имеется строительного леса, а пахотной земли, пригодной для земледелия, оказалось также очень мало.

15 сентября с трудом удалось войти в устье реки. Гвоздев вместе с командиром корабля на двух ботах с тунгусами отправился в Удский острог. Тем временем остальные обследовали устье Уды. «На том устье реки,— рапортовал мичман Ртищев,— воды имеется на три фута... та река течет с самой горы в море, и видно было с устья, якобы река валилася в море, потом было видно, оная ж река имеет множество в себе детей (притоков.— В. Д.), которые весьма мелки и в росыпях». Подобных записей, свидетельствующих о тщательности наблюдений русских моряков, мы находим большое количество в делах экспедиции².

21 сентября Шельтинг и Гвоздев возвратились из Удского острога.

С 22 по 28 сентября дубель-шлюпка «Надежда» лавировала между Шантарскими островами в безуспешных поисках удобного места для якорной стоянки. Тем временем на корабле обнаружилась течь, создавшая для него угрозу. Дальнейшее плавание было связано с большим риском. Поэтому было принято решение идти в Больше-рецк, куда «Надежда» и прибыла 9 октября.

Таким образом, в кампанию 1741 г. экипаж «Надежды» произвел описание устьев реки Уда и Шантарских

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 2, д. 38, л. 447-об.

² ЦГАВМФ, ф. 918, оп. 2, д. 38, л. 449.

островов. Однако в целом отряд не выполнил поставленной задачи, совершить плавание к берегам Японии.

Замечательные научные результаты в том году были получены Берингом и Чириковым во время исторического плавания к американским берегам. 16 июля 1741 г. пакетбот «Св. Павел» под командой А. И. Чирикова достиг берегов Аляски, в районе острова, ныне называемого Бейкер (55°21' с. ш.). За время плавания у американских берегов русские моряки (до 27 июля) осмотрели и нанесли на карту побережье Аляски общей протяженностью в 400 верст. На обратном пути в Камчатку Чириковым был открыт ряд Алеутских островов.

Полутора сутками позднее Чирикова Беринг на пакетботе «Св. Павел» по широте 58°14' также достиг американского берега. На обратном пути были открыты острова Укамок, группа небольших островов, названных Евдокеевскими, часть Шумагинских и несколько островов Алеутской гряды. Эти выдающиеся плавания стоили, однако, больших жертв¹.

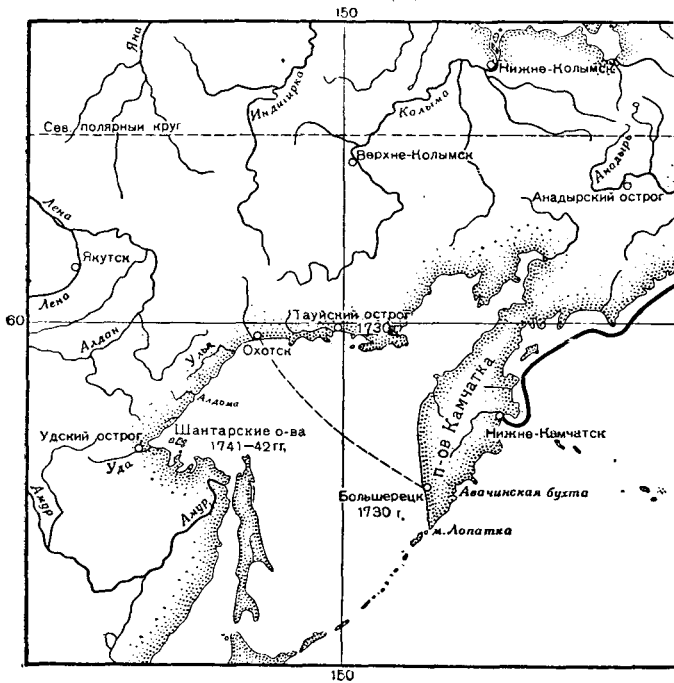
В течение зимы 1741—1742 годов велась подготовка кораблей и личного состава к ответственному плаванию. 2 мая 1742 года Михаил Спиридонович Гвоздев был назначен на дубель-шлюпку «Надежда». «При сем посылаетца к вам,— писал Шпанберг Ртищеву,— для вспоможения по должности вашей в содержании журналу и прочего геодезист Михайло Гвоздев, которому по его геодезистской должности потребное исправление, как надлежит чинить неотменно»².

Командовал «Надеждой» боцманмат Козин, штурманом был мичман Василий Ртищев. Весь экипаж состоял из тридцати трех человек. Продовольствия было запасено на пять месяцев. 23 мая отряд из четырех вымпелов под общей командой Шпанберга вышел из Большерецкого устья, взяв курс к Курильским островам.

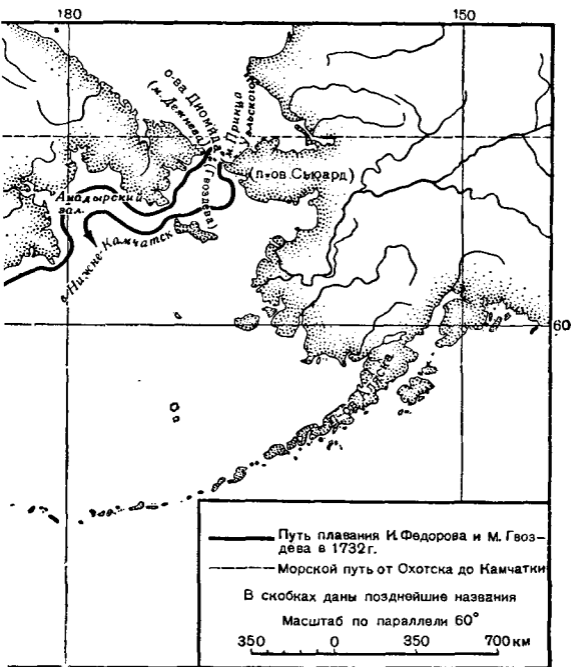
Достижение японских островов было важнейшей целью путешествия. Командирам кораблей предписывалось при

¹ 4 ноября 1741 г. пакетбот «Св. Петр» потерпел крушение около одного из Командорских островов. 8 декабря капитан-командор Беринг умер от цынги. Не вынесли зимовки и многие члены экипажа. Оставшиеся в живых построили из разобранного пакетбота небольшое судно гукор, названный «Св. Петр», и летом следующего года возвратились в Петропавловск.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) ф. Адмиралтейская коллегия, кн. 57, л. 86-об.

встрече в море с японцами проявлять к ним знаки доброжелательства, «ибо невозможно будет сыскивать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать», — говорится в инструкции Шпанберга от 14 мая 1742 г. командиру бригантины «Архангел Михаил» Шельтингу¹.

На третий день плавания отряд достиг первых островов Курильской гряды. С этих островов были взяты в качестве переводчиков местные жители. 30 мая отряд возобновил плавание и следовал в юго-западном направлении. Погода была пасмурная. В течение нескольких дней стояли непроницаемые туманы. Средства связи в то время были примитивные, необходимого опыта совместного плавания еще не было. В результате корабли потеряли друг друга из виду. Положение осложнилось тем, что дули встречные, или, как их называли, «злые», ветры. Из всех кораблей наибольших результатов достигла «Надежда».

После разлучения она дошла до 46°21' с. ш., а затем повернула к Курильским островам, прибыв сюда к 21 июля. Через несколько дней к дубель-шлюпке подошел флагманский корабль — пакетбот «Св. Ионн».

Шпанберг назначил командиром дубель-шлюпки мичмана Шельтинга² и приказал итти в Охотское море для продолжения описания его западных берегов от устья реки Уда до устья Амура. Остальные суда, подошедшие к Курильским островам, были отправлены в Большерецк, так как нуждались в ремонте.

24 июля «Надежда» покинула Курильские острова, а 1 августа достигла острова Сахалин в широте 50°10'N. Мореплаватели полагали, что это была земля Ессо. Спустившись на юг, русские моряки достигли широты 45°34'N и вошли в пролив, отделяющий остров Сахалин от Японии. В конце XVIII в. здесь побывал французский мореплаватель Лаперуз, в честь которого и был назван указанный пролив.

¹ ЦГАДА, ф. Адмиралтейская коллегия, д. 57, л. 97-об.

² Шельтинг (Шхельтинг), Алексей Елизарович, голландец. Поступил в русский флот в 1729 г. Участвовал в дальних плаваниях от Кронштадта до Архангельска. В 1733 г. по своему желанию был назначен в экспедицию на Камчатку. Трижды плавал к островам Курильской гряды и берегам Японии. Вскоре после возвращения из экспедиции получил назначение на Балтийский флот. В 1772 г. был произведен в контр-адмиралы. 18 февраля 1780 г. ушел в отставку.

Сильные ветры осложняли плавание, а из-за густого тумана не видно было берега, хотя моряки и находились от него всего в шести милях.

За время плавания у берегов Сахалина русские моряки, как об этом писал командир «Надежды», побывали у устья реки Амура, «только за великими на море от противных ветров погодами, а паче же за великими же туманами, видеть оного Амурского устья было невозможно»,— доносил Шельтинг капитану Шпанбергу¹.

Геодезист Михаил Гвоздев выполнял самые различные обязанности. Он систематически и с большой тщательностью записывал свои наблюдения в корабельный журнал, нес вахту, производил съемку берегов.

20 августа дубель-шлюпка «Надежда» из-за появившейся на ней течи и недостатка провианта повернула на обратный курс и 10 сентября 1742 г. возвратилась в Охотск; на обратном пути моряки описали восточный берег Сахалина. Три с половиной месяца «Надежда» находилась в непрерывном плавании, во время которого дубель-шлюпка, построенная корабельным мастером Кузьминым, показала высокую мореходность и живучесть. В течение ряда последующих лет она совершала успешные плавания и «крепостию своею и поныне стоит действительна, да как бригантина «Михаил», так и она «Надежда», на море истинно весьма удобны и безопасны и пропорцию исправны»,— писал в 1744 году капитан Шпанберг. Мореходные и прочные корабли, созданные талантливыми русскими мастерами кораблестроения на Дальнем Востоке, обеспечили успех плавания к Японии, Северо-Западной Америке и другим отдаленным местам северо-восточной части Тихого океана.

* *
*

В последующие годы Гвоздев принимает активное участие в решении важных научных и хозяйственных задач.

Великие географические открытия русских моряков требовали всестороннего и более углубленного изучения новых земель в интересах их хозяйственного освоения. В связи с этими открытиями были созданы возможности

---

¹ ЦГАДА, ф. Адмиралтейская коллегия, д. 56, л. 488.

для непосредственных торговых связей России по морскому пути с владениями западноевропейских государств в Америке, а также с Китаем, Японией и другими странами Тихоокеанского бассейна. Но для этого необходимо было иметь на Дальнем Востоке собственную базу судостроения. Охотский порт, как это признавалось всеми, не мог удовлетворить возросших потребностей. Еще в ходе второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции многие высказывали мнение о целесообразности перенесения Охотского порта в другое место.

Весной 1743 г. Охотская канцелярия поручила мичману Шельтингу изучить возможности устройства верфи на реке Марикан и сплава туда леса. Выполнение этой задачи Шельтинг возложил на мичмана Ртищева и геодезиста Гвоздева, которые обследовали обширный район и провели ряд интересных географических наблюдений. В своем рапорте на имя Шельтинга от 7 июля 1743 г. они писали, что, по их мнению, на Марикане возможно создать верфь для постройки морских судов, однако «к сплаву судов от того Марикана к Охотскому устью за множеством той реки розсыпей за мелкостию воды неудобно, да и в большую прибылую воду також плыть морскими судами за быстротою реки за означенными розсыпями никакими мерами невозможно... понеже оная река заливаецца на берега и такую быстротою своею во всякую протоку и к тому же мелководна, а местами имеет глубины девять, шесть и три фута и менее»¹.

Рапорт Ртищева и Гвоздева показывает, что его авторы вдумчиво исполняли порученное им дело. Указанный документ, содержащий сведения экономического и географического характера, имеет большую ценность.

В это же время местные власти проявили интерес к той части Северо-Западной Америки, которая лежит против Чукотского носа и не была обследована ни Чириковым, ни Берингом. Была задумана новая экспедиция, для подготовки которой необходимо было тщательно изучить материалы первого плавания русских к берегам Большой Земли. В инструкции Охотской канцелярии на имя Шпанберга от 20 апреля 1743 г. указывалось, что, если сведения Гвоздева о его плавании в 1732 г. не позволят составить отчетливого представления об описанной им земле,

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 56, л. 60-об.

то тогда «для подлинного о всех по рапорту геодезиста Гвоздева островах и Большой Земле осведомления» отправить к американским берегам небольшое судно, командиром которого рекомендовалось назначить «такова человека, который бы действительно знал наукою и практикою все морские к плаванию судна принадлежащие случаи и положению мест на карты обстоятельно»¹. Охотская канцелярия особое внимание обращала на подбор начальника экспедиции, который должен был обладать хорошими теоретическими и практическими познаниями в области морского дела и уметь точно нанести на карту обследованные места.

Подготовка экспедиции шла полным ходом. Тщательно изучались материалы плавания Федорова и Гвоздева.

9 сентября 1743 г. капитан Шпанберг, выполняя приказ Иркутской и Охотской канцелярий, поручил штурманам Яшину, Родичеву и геодезисту Гвоздеву собрать подлинные известия о плавании бота «Гавриил» от Камчатки к Чукотскому носу, далее к Большой Земле. Указанным лицам было поручено составить экстракт из журналов, «... по оному всем описанным во объявленном ваяже местам и плаванию судна сочинить по морскому регламенту обстоятельную карту за подписанием нас всех».

Это задание, которому придавалось очень большое значение, было выполнено в короткий срок. Считая карту недостаточно точной, Яшин в своем рапорте Шпанбергу от 8 октября 1743 г. писал: «Сочиненную по тому журналу карту от реки Камчатки и до Чукотского носу и далее островов, також и содержанной им, Федоровым, журнал, токмо оной весьма не обстоятельно записыван, по которому к настоящей верности карты сочинить весьма трудно, понеже пеленги многие прописываны не порядочно». Несмотря на неточность указанной карты, ее научное значение было велико. Она обобщала большой фактический материал, собранный во время первого плавания русских моряков к берегам Америки, на ней был нанесен участок Большой Земли, обследованный Федоровым и Гвоздевым.

Таким образом, в составлении упомянутой карты участвовали Яшин, Ртищев и Гвоздев, которые, как свидетельствуют Шпанберг, «по сочинении оной за подписа-

---

¹ ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 53, л. 745.

нием их объявили ко мне при репорте». На основании документов можно с полной уверенностью сказать, что авторами карты, опубликованной членом-корреспондентом А. В. Ефимовым в его труде «К истории русских экспедиций на Тихом океане» под названием карты Шпанберга, являются в действительности Яшин, Ртищев и Гвоздев.

Иркутская провинциальная канцелярия намеревалась направить экспедицию к Большой Земле. Перед экспедицией ставились обширные задачи научного, экономического, политического и социального характера. Ей надлежало точно определить расстояние от Камчатки или Чукотки до Большой Земли и островов, прилегающих к последней; выяснить, имеются ли в тех местах леса, угодья, удобные гавани, численность населения, его веру и обычаи и «кого над собою владетеля имеют одного ли или разных и оные владетели самостоятельны ли или дань кому платят и чем»¹. Экспедиция должна была выяснить, нет ли за Большой Землей каких-либо земель и островов с людьми, о которых «здесь неизвестно, и на оные какие имеются народы и под чьей державой и под которыми градусами все вышеописанные острова и Большая Земля состоят и не имеются ли на оных руды золотой и серебряной и другой какой». В эту экспедицию канцелярия охотского порта рекомендовала послать Гвоздева, «понеже он... на помянутых островах у Большой Земли был и ежели впредь туда посылать будем, надлежит послать его, Гвоздева».

Шпанберг считал, что Гвоздева, обрабатывающего материалы плаваний Чирикова, Беринга и др., не следует отправлять в экспедицию; в противном случае он не сможет выполнить порученного ему дела. В ноябре 1743 г. Шпанберг писал в Иркутскую канцелярию: «...оного геодезиста Михаила Гвоздева в ту Охоцкую канцелярию от команды экспедиции отослать нам невозможно, для того, чтобы он, Гвоздев, при экспедиции во управлении должности геодезистской, которая при оной для копирования о морских вояжах к отсылкам, куда надлежит весьма надобна, состоит один»².

Хотя эта экспедиция не состоялась, но сама попытка ее организации представляет большой интерес и свиде-

¹ Рапорт Гвоздева от 1 сентября 1743 г. См. А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане, стр. 243.

² ЦГАВМФ, ф. Беринга, д. 99, л. 396.

тельствует о разносторонних интересах местных властей. В последующем по их инициативе и при их поддержке будут посылаяться многочисленные корабли промышленников, которые, преследуя промысловые цели, внесут ценный вклад и в географическую науку.

Несомненный интерес представляют меры по обеспечению успеха экспедиции, изложенные в ноябрьском докладе Шпанберга 1743 г. канцелярии Охотского порта. Если будет окончательно решено посылать экспедицию, писал Шпанберг, то необходимо прежде всего, заблаговременно подготовить небольшое судно, снабдив его таке-лажем, артиллерией и всем необходимым. Опыт плаваний показал, что огромная роль принадлежит командиру корабля, который должен обладать хорошими теоретическими познаниями и знать морское дело практически «командиром определить такова человека, который бы действительно знал наукою и практикою все морские к плаванию суда принадлежащие случаи и положение мест на карты обстоятельно». Но даже самый подготовленный командир корабля не может выполнить сложные задачи по управлению кораблем и руководству научно-исследовательской работой, если у него не будет хорошего помощника. Поэтому он предлагал выделить в помощь «для содержания и прочего вспоможения достойного человека, ибо одному командиру в бытность на море во всем справитца никак невозможно». Но и этого мало. Для успеха плавания необходимо иметь хорошо подготовленных матросов. Поэтому большое значение Шпанберг придавал укомплектованию корабля матросами и рядовыми, которые были бы «за обыкновенных морскому ходу служителей». Ценные предложения высказал Шпанберг и относительно того, чтобы корабль имел необходимый запас провианта, «почему лутче разсуждаетца придать нечто в запас нежели оного в пути не достанет, от которого недостатка (от чего боже сохрани) в здешних безхлебных и пустых подле моря местах может учинитца как служителям, так и всему гибель». Эти выводы были учтены и использованы в последующих плаваниях русских.

Михаил Гвоздев в течение нескольких лет принимал активное участие в работах второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Свои обширные познания в области геодезии и морского дела Гвоздев успешно применял для выполнения самых различных поручений. Любое дело испол-

нялось им с большим желанием. Он описывал побережье Охотского моря, составлял карты, с большим искусством снимал копии с карт, составленных другими участниками экспедиции, а во время плаваний к устью Амура и к берегам Японии и, «будучи в тех морских вояжах не токмо положенное на меня по моей должности дело,— писал Гвоздев,— но и штурманскую должность исправлял со всякой моею ревностию».

* *
*

Заслуги Гвоздева не были по-настоящему оценены правительством, его не повышали в чине, не увеличивали жалование. Это не только обижало, но и оскорбляло и унижало его. В своем рапорте от 24 августа 1743 г. Адмиралтейств-коллегии Гвоздев писал, что, находясь в отдаленном и беспокойном месте, и «понеже против своей брaтии геодезистов повышением чина не пожалован».

После прекращения деятельности экспедиции Гвоздев вместе с другими участниками замечательного научного предприятия в 1744 г. прибыл в Томск, где прожил одиннадцать лет.

В 1755 г. его назначили в Иркутск. В это время в Восточной Сибири разрабатывались планы по хозяйственному освоению необозримых ее просторов. Широкое развитие морского промысла, постоянные плавания русских на Тихом и Северном Ледовитом океанах настоятельно требовали увеличения посевов злаковых культур и разведения животноводства, а также расширения посевов льна и конопли, необходимых для оснащения судов. Это требовало учета пахотных и сенокосных угодий, для чего требовались специалисты-геодезисты. Михаила Гвоздева назначили в Иркутск для участия в землеустроительных работах. В течение трех лет он работал в Иркутске. Здесь он встречался с Ф. И. Соймоновым — знаменитым ученым и мореплавателем, одним из первых русских гидрографов, назначенным в 1757 г. сибирским генерал-губернатором.

Ф. И. Соймонов проявлял большой интерес к плаванию Гвоздева и Федорова. В своем рапорте на имя Екатерины II от 23 ноября 1757 г. Соймонов сообщил интересную деталь о первом плавании Гвоздева. «Сверх ж всего

того,— писал он,— явное доказательство и следующее есть, что прежде помянутой экспедиции в 1732 году отправлен был из Охотска в бытность Скорнякова-Писарева геодезист Гвоздев, который у той земли был, и хотя никаких других обстоятельств не упомнит, да и журналу его не отыскано. Однако он мне словесно объявил, что довольно лесов на той земле видел».

Здоровье у Гвоздева было подорвано в длительных и трудных плаваниях. «...Стал я именованный всем корпусом слаб и глазами мало зрение имею и нахожусь в застарелых цынготной и почечуйной болезнях и по науке геодезической уже исправной должности несть не в состоянии»,— писал Михаил Спиридонович.

Несмотря на тяжелое состояние, он еще продолжал работы по землеустройству. Им было описано несколько слобод по Московскому тракту. Однако долгое время продолжать работу он не мог и в 1758 г. подал челобитную, в которой просил «за вышеписанными моими отягощениями и болезнями и старостию, а паче за долговременную вашему императорскому величеству службу от геодезических произвождений уволить и от службы отставить».

Сибирский генерал-губернатор Ф. И. Соймонов поддержал просьбу Гвоздева и позаботился о том, чтобы ему была дана в Сибири посильная работа. «Всепокорнейше прошу,— обращался Соймонов в правительствующий сенат,— не соизволено ль будет оного Гвоздева что он за его болезнями, старостию и за долговременною службою более уже той геодезической должности снести не может отставить вовсе, по отставке определить в Сибири делам каким по здешнему усмотрению еще способен явитца..., а вместо его, Гвоздева, для окончания в Иркутской провинции и в Нерчинском ведомстве... под поселение прибавочных людей пахотных земель и сенных покосов описания, не соизволено ль будет к ныне находящимся там геодезистам определить прислать, отколь надлежит другога, которой ко окончанию означенного описания, и потом к случившимся впредь по Сибирской губернии и по Иркутской провинции нужным надобностям употребляем будет»¹.

О дальнейшей судьбе первооткрывателя Гвоздева пока ничего неизвестно, но и то, что мы знаем теперь о нем,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1764, д. 485-6, ч. 1, л. 398—398-об.

дает возможность с полным основанием сказать, что это был образованный и трудолюбивый исследователь, волевой и необыкновенно скромный человек. Он пренебрегал опасностями во время своих многочисленных плаваний, подавая пример другим, любое дело исполнял с большой охотой.

Гвоздев — один из активных участников великих географических открытий русских на Тихом океане, принесших славу России. Вот почему имя Гвоздева, как и многих других выдающихся русских мореплавателей, всегда будет жить в памяти нашего народа.

**ЧЕЛОБИТНАЯ МИХАИЛА ГВОЗДЕВА
НА ИМЯ ИМПЕРАТРИЦЫ**

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая

Бьет челом раб ваш команды Камчацкой экспедиции геодезист Михайло Спиридонов сын Гвоздев, а о чем, тому ниже сего пункты:

1

В прошлом 1716-м году указом в. и. в. определен я нижайши раб ваш, в службу для науки в Московскую академию и был при той академии в науке по 719 год. А во оном 719-м году послан я, нижайши раб ваш, в Санкт Питербургскую академию и определен был в той академии в геодезию. И был по 721 год. А в 721-м году послан я был в Нов Город в команду господина генерала Михайла Волкова для описания мест под селение штапных дворов и был у того дела во оной команде по 725 год по сентябрь месяц. И во оном же сентябре месяце от вышереченного генерала Волкова послан я паки в Санкт Питербургскую академию. А в прошлом 727-м году по поданной моей вашему и. в. челобитной экзаминован я был бывшим тогда во оной академии профессором Фарх Фарсоном в геодезисты. И в том же 727-м году отправлен я, нижайши раб ваш, из высокоправительствующаго сената в Сибирь, в партию в команду капитана Павлуцкого и казачья головы Шестакова. И был при них в команде при той партии на Камчатке по 735 год. А в 735-м году взят я был по показанию на меня в. и. в. дела матрозом Леонтьем Петровым в Тобольск и по тому делу содержался в Сибирской губернской канцелярии 738 году по июль месяц и по решении от того

дела явился прав. И в том же 738-м году по присланному в. и. в. из государственной адмиралтейств коллегии в Сибирскую губернскую канцелярию указу отправлен я из Тоболска в команду Охоцкого правления. И был при той команде по 741 год. И в том же 741 году по представлению флота капитана Валтана посылан был от Охоцкой канцелярии для описания морского берега от Охоцкого устья в Уцкую сторону, которой велено по данной мне инструкции от него, капитана Валтана, описать расстоянием верст на двести.

2

И по возвращении моем ис той посылки в том же 741-м году по требованию флота капитана Шпанберха от Охоцкого правления взят я был в команду ево, Шпанберха, и послан на дубль шлюбке, имянуемой «Надежде», в ваяж с мичманом Шхелтенгом для описания берега до Уцкого устья и до Амурских берегов. А в 742-м году определен я был на том же судне мичманом Васильем Ртищевым для описания до Японских берегов. Да в том же 742-м году паки определен был с вышеобъявленным же мичманом Шхелтенгом на том же судне для описания Амурского устья и берегов. И в тех посылках в бытность мою исправлял положенное на меня дело, так и в морском хождении, со всею моею ревностию неусыпно.

3

А по состоявшемуся блаженные и вечно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны имянному высокому указу, состоявшемуся в прошлом 733-м году в высокоправительствующем сенате, по которому велено посылающимся вновь в Сибирь геодезистам дать прапоршеческие ранги, а которые прежде были посланы и имеютца и поныне в Сибири четыре человека да один на Камчатке тем дать подпоруческие ранги. И по оному состоявшемуся имянному высокому указу велено Сибирской губернской канцелярии, тако ж и Иркутской провинциальной канцелярии дать ранги подпоруческие, которым и даны, а имянно Петру Скобелщину, Дмитрею Баскакову, Ивану Свистунову, Василью Шатилову. И на те их ранги присланы им и патенты из государственной адмиралтейской коллегии. И я, нижайши раб ваш, в таком отдаленном и беспокойном месте и поныне против вышеписанных своей братьи геодезистов повышением

чина не пожалован, о чем и прошлого 740 году, в июле месяце, в. и. в. я бил челом. А в государственную адмиралтейскую коллегияу чрез почту бывшего капитана командора Беринга послал я прошение по которому до сего никакого решения не получил. И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было за вышеявленные мои многотрудные службы и далные посылки пожаловать меня против моей братии вышеписанных геодезистов в ранг подпоруческой.

Всемилоостивейшая государыня, прошу в. и. в. о сем моем челобитье решение учинить. 1743 году, августа дня, к поданию надлежит флота господину капитану Шпанберху. Прошение писал команды Камчацкой экспедиции копейист Яков Дасаев. А не на гербовой бумаге, понеже гербовой бумаги в Охоцку в продаже не имеетца. Михайло Гвоздев руку приложил.

ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 56, л. 966—967,
Подлинник.

ПОКАЗАНИЯ МИХАИЛА ГВОЗДЕВА, ДАННЫЕ В СИБИРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ, О ПЛАВАНИИ К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

1738 году июня 13 дня в Сибирской губернской канцелярии геодезист Михайло Гвоздев сказал, по указом де е. и. в. из адмиралтейской коллегии был он в экспедиции камчацкой в партии сибирского драгунского полку с капитаном Дмитрием Павлуцким да з бывшим якуцким казачьим головою Афонасьем Шестаковым для изыскания новых земель и примирении немирных иноземцов, бывших в подданстве в 728-м году отправлен ис Тоболска с подштурманом Иваном Федоровым и в 729-м году прибыли в Якуцк, а из Якуцка июня 7 числа капитаном Павлуцким посланы в Охоцк и были в Охоцку по 730-й год, а в том 730-м году из Охоцка по ордеру его ж, капитана Павлуцкого, ходили на Камчатку чрез Ламское море на боте Гавриле при штурмане Якове Генсе в Болшерецкой острог и были в том остроге с ними штурманом и подштурманом по 731 год по июль месяц, дожидались от него ж, капитана Павлуцкого, ордеру, куды им велено будет итти, и, получа ордеры, ходили на том же боту морем до камчацкого устья и были в том устье одиннатцать дней, и в то время камчадалы иноземцы июля 20 числа изменили, острог сожгли и людей русских лобили, о чем и ныне об них, изменниках, по указом следуют маэоры Мерлин да оной Павлуцкой, а он де, Гвоздев, со штурманом и подштурманом и служилыми людьми

жили при том камчацком устье в юртах для примирения достальных иноземцов изменников по 733 год и подштурман Федоров тамо умре, а в том же 733-м году по присланном указом из Охоцка от командира Григоря Скорнякова-Писарева штурман Генс с служилыми людьми послан в Охоцкий острог, а ему, Гвоздеву, велено быть в Нижнем Камчадалском остроге при строении вновь острога и был он по 735 год до прибытия для следствия о зменниках маэора Дмитрея Павлуцкого, а с прибытия его, Павлуцкого, он, Гвоздев, по показанию матроза Леонтья Петрова выслан в Тоболск, а во все де их, Гвоздева и штурмана Генса, и подштурмана бытность в выше-явленных походах морскому и охоцкому пути описи и карт и журналу у него, штурмана, не делано за глазную ево болезнью и слепотою, а подштурман за ножною болезнью, от чего и умер, а ему, Гвоздеву, одному того делать было не возможно.

К подлинной скаске геодезист Михайло Гвоздев руку приложил
Канцелярист Семен Васильев.

ЦГАВМФ, ф. 216, д. 24, л. 587—587-об. Копия.

ДОНОШЕНИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА И СИБИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА Ф. И. СОЙМОНОВА ОБ УЧАСТИИ ГВОЗДЕВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПАХОТНЫХ И СЕНОКОСНЫХ УГОДИЙ В ИРКУТСКОЙ ПРОВИНЦИИ И ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ГВОЗДЕВА ВВИДУ ЕГО БОЛЕЗНИ ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГЕОДЕЗИСТА

По секретному ея императорскаго величества указу присланному из Высокоправительствующего Сената от 18 августа, а в Тоболске прежде бывшим сибирским губернатором господином адмиралом и кавалером Мятлевым полученному 22 октября прошлого 754 году, повелено как в Нерчинском, так и в других по рассмотрению его адмирала и кавалера уездах все подлежащие к поселению впредь выведенных ис Польши российских беглых людей и крестьян способныя и удобныя земли обстоятельно описать с точным показанием, где сколько без помешательства и без утеснения ныне состоящаго там народа поселить возможно полагая под поселение дачу земли и всяких угодий против того, как в новой межевой инструкции изображено, и по учинении того описания представить высокоправительствующему Сенату со мнением и по силе оногo ея императорскаго величества указу, о учинении по всей Иркутской провинции надлежащаго описания порозжих земель к тому надлежало от него адми-

рала и кавалера Мятлева было писано и велено к тому употребить из находящихся при мне трех геодезистов, да ис Томска отправлены были туда бывшие в Камчацкой экспедиции геодезии подпоручик Гвоздев, да прапорщик Чекин, о чем от 5-го ноября тогож 754 году и Высокоправительствующему Сенату от него адмирала и кавалера донесено было, и потому ее императорского величества указу в Нерчинском ведомстве описание земель находящимися там тремя геодезистами производитца, а в-Ыркуцкой провинции высланным из Томска подпоручником Гвоздевым такое ж описание, пашенных земель, и сенных покосов, а именно от Иркутска по Московской дороге в учрежденных станциях. Також в Уриковской, Кудинской и Оецкой слободах учинено за ево болезнями с крайним изнеможением, а сочинение планов за главною болезнию и слабостию его остановилось и впредь он Гвоздев, от тех болезней болше к геодезическим делам безнадежен, чего для он, Гвоздев, проданною в-Ыркуцкую канцелярию челобитною (которая оттоле прислана ныне ко мне) просят, чтоб его, Гвоздева, за теми болезнями и старостию, а паче за долговременную его службу от геодезических произвожденей уволить и от службы отставить, о чем я Высокоправительствующему Сенату чрез сие и доношу, причем на высокоглавнейшее рассмотрение помянутую его, Гвоздева, челобитную подношу и всепокорнейше прошу, не соизволеноль будет оного Гвоздева, что он за его болезнями, старостию и за долговременною службою более уже той геодезической должности снести не может, отставить вовсе и по отставке определить в Сибири к делам к каким он по здешнему усмотрению еще способен явитца, и о том, о всем повелительным ее императорскаго величества указом меня определить, а вместо его, Гвоздева, для окончания в-Ыркуцкой провинции и в Нерчинском ведомстве вышеявленного повеленного по силе указу Высокоправительствующаго Сената под поселение прибавочных людей пахотных земель и сенных покосов описания, не соизволеноль будет в прибавок к ныне находящимся там геодезистам определить прислать, отколь надлежит, другаго, который ко окончанию означенного описания, и потом к случившимся впредь по Сибирской губернии и по Иркутской провинции нужным надобностям употребляем будет.

ФЕДОР СОИМОНОВ.

*С приписью Дмитрий Колугин
Канцелярист Василий Лазарев.*

Декабря 23 дня
1758 году

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1341, оп. 303, д. 1764, № 485-б, ч. 1, л. 397—398 и об. Подлинник.

Василий Афанасьевич Дивин

К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художник *П. Я. Павлинов*

Художественный редактор *В. Г. Петухов*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *А. Б. Стрельник*

T05203. Сдано в набор 27/III 1956 г. Подписано к печати 16/V 1956 г. Формат 84×108^{1/32}. Физических листов 1,5. Печатных листов 2,46. Учетно-издательских листов 2,43. Тираж 50 000. Цена 75 коп. Заказ № 1576.

Географгиз, Москва, В-71, Б. Калужская, 15

Министерство культуры СССР

Главное управление полиграфической промышленности

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Москва, Ж-54, Валовая, 28.